

Уборщица

Автор:

Наталья Бочка

Уборщица

Наталья Бочка

Надя – уборщица в маленьком магазинчике, Андрей – владелец фирмы. Что связало их судьбы? Случайная встреча или череда жизненных обстоятельств? Если оступилась – получишь ли шанс всё исправить? Если забыл – будет ли возможность вспомнить? Даже если разлучила их судьба, всё равно столкнёт неожиданно и тогда бессмысленно сопротивляться.

Наталья Бочка

Уборщица

Часть 1

Глава 1

Надя Цветкова выходит замуж за Вовку Горохова – эта новость облетела двор с такой быстротой, что казалось, будто она передаётся по воздуху. В субботу к обеду только ленивый не обсуждал подробности. Двор гудел, как большой улей. Каждый имел свою версию и усердно её доказывал.

Особое рвение проявляла тётя Люда. Без её участия не проходило ни одно событие. Она носилась от одного к другому, как назойливая муха, болтала без умолку и смаковала детали. Огромное удовольствие она испытывала, если слушатель ещё не знал, о чем идёт речь. В таком случае приступала к рассказу как актриса, вносящая в свою роль каждый раз всё больше страсти и импровизации.

– Как, вы не слышали новость? Надька Цветкова замуж выходит! – говорила она с важным видом первооткрывателя.

– Как? За кого?

– Да за Вовку Горохова. Вы что с луны свалились, весь двор уже об этом говорит. Но я вам скажу – здесь дело явно не без греха. Надька точно беременна и скоро уже будет заметно. Помяните моё слово, – грозила вещунья пальцем у лица собеседника.

– Да с чего вы взяли, что она беременна? Может, есть другие причины?

– Говорю вам как на духу – это проверенная информация. Вы разве не видите – что за девка? Это ещё парень порядочный попался, другой бы послал куда подальше, и дело с концом. А у этого просто не было выбора. Заставили!

– Как заставили?

– А вот так. Либо – женись, либо – в тюрьму. Надька-то – несовершеннолетняя!

– Ну и дела!

– Вот-вот, – загадочно кивала Людмила. – Теперь всё, попался, пойдёт у парня жизнь наперекосяк. А ведь ему только двадцать один, мог ещё гулять и гулять, а тут на тебе – женись. Пропадёт парень с такой девкой-то.

– А мать её куда смотрела?

– Уж известно куда – в бутылку! Она же кроме водки ничего не видит. Дай только глаза залить, и всё!

Завидев ещё кого-то, женщина бросала предыдущего собеседника и бежала навстречу новому, чтобы повторить всё сначала.

Лилась весть о Надином замужестве от одного человека к другому, с бескорыстной помощью тёти Люды Бубенцовой.

Два года на пенсии – она чувствовала себя достаточно молодой и интересной женщиной. Невысокого роста, очень худая. Лицо её, если сохранило былую красоту, то где-то далеко в глубине морщин, избороздивших дряблые щёки. Одно время тётя Люда много пила, давняя привычка эта легла отпечатком на всю её внешность. Маленькие голубые глазки, пустые и не выражающие ничего, кроме чрезмерного любопытства. Под глазами мешки из высохшей кожи, во рту не хватало с десятков зубов. Плохо покрашенные хной, редкие седые волосы она собирала на затылке и прихватывала блестящей резинкой. Яркая помада на тонких губах растекалась по морщинкам словно звезда.

Единственная радость Людмилы Бубенцовой – жить новостями внешнего, а если конкретно, дворового мира. Привычка совать нос в чужие дела, позволяла забыть о делах своих. Это получалось у неё лучше всего. Не обязательно услышать то, что потом нужно рассказать. Путём собственных умозаключений она могла порождать великолепные слухи. В них верили и не раз пересказывали. Обсуждение жизни соседей оказалось самым настоящим призванием тёти Люды. Невероятный дар – из ничего сотворить что-то, талант создавать сплетни.

Большую часть времени она проводила во дворе, или около булочной с другой стороны дома. Но чаще всего на лавке возле третьего подъезда. Лучшего наблюдательного пункта нельзя и представить. Отсюда виден весь двор, как на ладони, ни одно движение не могло ускользнуть от зоркого ока Людмилы. Кто куда пошёл, по какому делу, она всё хотела знать.

Двор по улице Вишнёвой по форме напоминает квадрат. С трёх сторон пятиэтажки, а с четвёртой – забор. Посредине, как полагается, детская площадка с песочницей и парой кривых качелей. В каждом из трёх домов по три

подъезда. Все они отличаются разной степенью ухоженности. Где-то посажены цветочки, подпилены деревья, плитка выметена, лавочка покрашена. А возле некоторых – кучи мусора, палисадник зарос бурьяном, дверь еле держится на петлях.

Всё-таки по-разному относятся люди к месту своего проживания. Иногда достаточно одного человека, и ваше парадное крыльцо радуется глаз. Но если такого энтузиаста нет, то и возмущению нет предела. Почему никто не уберёт всю эту грязь?

Квартира Бубенцовой на первом этаже. Порядок, который наводила она под окнами, щепетильно оберегала, готовая выскочить в любой момент и проучить нарушителя. И если уж кто попался – то держись.

Субботним утром, как всегда на посту, тётя Люда оценивающе разглядывала клумбу у подъезда напротив. Она завистливо щурилась на нарциссы, что распустились раньше, чем у неё. Ласковое майское солнце заглянуло во двор и сквозь листву тонкими лучами касалось жёлтых цветов. Они будто улыбались. И, как решила тётя Люда, делали это ей назло.

Она пока не знала, о чём вести разговоры сегодня, так как вчера ещё домучивала новость с прошлой недели об украденном велосипеде Ковалёвых. Это уже почти никого не интересовало, и собирательница слухов терпеливо ждала хоть какого-то намёка на происшествие. С терпением охотника, она могла часами наблюдать за обитателями двора. Прислушивалась, приглядывалась.

Не покидало ощущение, что именно сегодня труд её не пропадёт даром. А такие предчувствия редко обманывали. Тёплое утро располагало и вселяло надежду на то, что сегодняшний день непременно принесёт новое событие.

И вот ожидание закончилось совершенно неожиданно, и так быстро.

Дверь соседнего подъезда скрипнула, худенькая женщина с растрёпанными волосами, в халате, похожем на кимоно, выскочила, почти со скоростью ветра пересекла двор и скрылась в подъезде дома напротив.

Спустя несколько минут из приоткрытого окна на втором этаже стали доноситься крики. Громкие ругательства и брань. С лавки, где сидела тётя Люда, недостаточно хорошо слышно, о чём шла речь, но отдельные слова всё же долетели до напряжённого уха.

Беременна. Вовка. Суд.

Сплетница ликовала. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о чем шла речь. Наконец-то достойная весть, а не какая-то мишура! Теперь, блеснуть талантом можно по-настоящему. Такого двор давно не слыхал. Беременна. Суд. Это же сенсация, триумф!

В предвкушении звёздного часа тётя Люда обдумывала детали, когда тяжёлая дверь подъезда хлопнула и показалась растрёпанная женщина в ярком халате. Лицо её искажено злобой, кулаки сжаты. Никого не замечая, она двигалась в обратном направлении и громко повторяла: «Я вам покажу!»

Это маленькое происшествие и послужило поводом для разговоров, начало которым положила тётя Люда Бубенцова.

Глава 2

Сказать, что Света Цветкова легкомысленная женщина, будет неправильно. Скорее ей просто не везло. В погоне за собственным счастьем она почему-то забывала о дочерях. А попытки достичь душевного равновесия с помощью новых поклонников казались правильными. Почему кто-то замужем и счастлив, а она нет?

Так было не всегда. После смерти мужа жизнь как бы накренилась. А потом, чем дальше, тем ниже. Попытки вернуться к исходной точке не имели успеха. Ненасытное желание не сдаваться и искать заставляло бросаться в новые отношения. Но всякий раз обстоятельства вмешивались в поиски новой любви. Все время что-то мешало и было не так.

В тридцать девять её внешность была почти девичья. Тонкие светлые волосы, симпатичное лицо и маленькая фигурка создавали образ подростка. Короткие юбки и обтягивающие футболочки дополняли образ и порой притягивали в Светкины сети, совсем молодых парней.

Мужчины слетались к ней, как мотыльки на огонь. В поисках настоящей любви Светлана рассматривала и поощряла всех. Иногда попадались неудачники, не оправдавшие чьих-то ожиданий. Захаживали женатые, с вечными обещаниями непременно развестись. Света верила в обещания, и каждый новый избранник мог пользоваться этим бесконечно. Поначалу контингент вроде ещё не совсем плохой, но с годами более-менее приличные мужчины перестали засматриваться на бойкую продавщицу.

Иногда Света вспоминала о детях. Скорее досадовала на них, как на то, что мешает развернуться по-настоящему. Все неудачи она списывала на то обстоятельство, что двое детей вечно путались под ногами.

Стоит отметить, порой, когда былые воспоминания наполняли сердце нежностью, в порыве накатившей доброты она могла сделать что-то хорошее и для своих девочек. Нужно отдать должное и попыткам исправиться, снова стать прилежной матерью. К сожалению, всё оканчивалось только попытками. Такие моменты случались редко, и когда дети становились старше, уже не реагировали на проявление фальшивой заботы.

Добродушная соседка Татьяна Кирилловна время от времени приглашала Светлану к себе, с целью наставить её на путь истинный. Бывало, долго разговаривали они редким вечером за чашкой чая или бокалом вина. неизменно Света плакала, каялась и изливала потоки жалоб на терпеливую собеседницу.

И женщина верила и жалела эту заблудшую овцу. Но было одно обстоятельство, которое тревожило. Каждый раз после таких разговоров она никак не могла понять, почему при таком верном понимании проблемы Светлана не в силах её решить. Ведь дело не в том, что она мало зарабатывает, и не в отсутствии мужа, а прежде всего в воле, в желании человека что-то менять. Если не хочет опуститься, то и не опустится. А Света не хотела, но опускалась.

Может быть, она просто не замечала зависимости от того, любит её кто-то или нет. Эта потребность в любви занимала все мысли. А то, что рядом есть дети, и им нужно то же самое – совсем не важно.

Если с очередным любовником ладилось, Светлана была счастлива, но напрочь забывала о детях. Когда любовник бросал её, она уже глубоко несчастна, и конечно, страдали окружающие. Промежутки между двумя этими состояниями почти не случались, редко приходили минуты прозрения.

Так складывалось, что именно в эти моменты Света и заходила к соседке.

– Бросай ты, Светка, с мужиками водиться, – упрекала Татьяна Кирилловна. – Ни к чему хорошему это не приведёт. У тебя дети. Ты о них должна думать. Чему они могут научиться? Только шашни водить? Посмотри, во что ты превратилась за эти годы – кожа да кости, смотреть жалко. А вспомни, когда вы с Сашкой, Мариночкиным отцом, пусть земля ему будет пухом, только поженились. Как Мариночка родилась. Какая семья у вас была счастливая. Как все вами любовались, в пример ставили.

Упоминание о прошлом заставляло Светлану задуматься, и она с грустью отвечала:

– Вот и долюбовались. Сашки давно уже нет, а без него у меня ничего не клеится. Совсем ничего не получается, – и Света пускала одинокую слезу.

– Не дури. При чём здесь это? У тебя дети – и всё! Что ж теперь и самой загнуться? Сколько женщин без мужей живут и справляются, не дают себе опускаться, а ты? – с запалом говорила соседка.

– А я не сильная! Я не могу! Но я люблю своих детей! – повышала голос Света и била кулаком по столу. – Не говори мне, что я их не люблю! Я на всё для них готова!

– А ты не кричи. И в грудь себя не бей. Это никому не нужно, поверь моему слову. Где много криков – там мало дела. Не нужно мне доказывать, как ты их любишь, иди – покажи это им. Делай что-то для них, и тогда тебе не придётся доказывать кому-то, что ты их любишь. Это и так будет ясно. А кто много кричит о любви к своим детям, тот явно в чём-то перед ними виноват. Запомни Света,

обернёшься потом на свою жизнь – наплачешься. Тошно тебе станет. Поймёшь всё – поздно будет.

Так и сидели они на кухне, одна поучала, а другая плакалась.

Глава 3

Надя, по сути, выросла на улице. Отец её – один из многочисленных сожителей матери – ушёл в неизвестность, едва узнав о будущем ребёнке. Разговоров об отце Нади никогда не было, и никто никогда не вспоминал, что он за человек.

С раннего детства познавала Надя уличную науку и была совершенно свободна, так же, как и сестра Маринка. Никто за ними не присматривал и не следил. Мать больше занята поиском очередного мужа, чем воспитанием детей. Росли девочки у всех на глазах, никому не нужные, отовсюду гонимые. Соседи смотрели кто с грустью, кто со злобой. Один пожалеет, а другой отшвырнёт.

Немало хлопот доставляли сёстры в округе. Где в окно камень кинут, у кого игрушку отберут. Разное бывало. Любое хулиганство во дворе на них сваливалось. Что ни случись, во всём Цветковы виноваты. Конечно, были и те, кто защищал, но таких людей – горстка.

Двор смаковал каждое событие, происходившее в двадцатой квартире. Темы настолько разнообразны, что слушателям ни на минуту не приходилось скучать. То Светку побил новый любовник алкаш, то из окон квартиры неслись такие речи, что на прослушивание их можно было, словно на спектакль, продавать билеты.

Первая в очереди на такие спектакли, конечно же, тётя Люда. А её красноречивые комментарии в совершенно неизменённом виде разносились по двору, словно истина.

– Мужиков к себе водит, что ни день, то новый, – тараторила Бубенцова в окружении соседок.

Только Татьяна Кирилловна из двадцать шестой в ответ на такие разговоры, часто Людмилу осаживала:

– Что же ты Людмила злая такая? В чужом глазу соринку видишь, а в своём бревна не замечаешь. Сама ты, что ли мужиков никогда не водила? Или за Гришку боишься, как бы Светка не увела? – говорила она со смехом.

Но Людмила не останавливалась. И лились из неё подробности, словно из рога изобилия. Будто завидно, что у Светки столько ухажёров. Да за своего сожителя побаивалась, как бы он по дороге в соседний подъезд не завернул. Всё-таки Светка помоложе и красивее.

– Да мой Гриша на такую лахудру даже не позарится. У неё в квартире грязи на вершок, и гора посуды немытой. Я своими собственными глазами видела, – оборонялась тётя Люда.

В чём в чём, а в этом она была права. Квартира Светланы совсем не походила на уютное семейное гнёздышко. Пыль, мусор и немытая посуда накапливались месяцами. Мебели почти не было. Её давно вынесли, продали, или обменяли на водку. И там в этой грязи двое детей.

Татьяна Кирилловна порой звала к себе маленькую Надю, кормила супом, опекала девочку, как могла. А та и вправду диковата, других людей сторонилась. Худенькая, хрупкая, с короткими светлыми волосами, она напоминала мальчишку. Лицо почти всегда неумытое. Россыпь мелких веснушек по щекам, грустный взгляд.

Бубенцова при встрече посмеивалась:

– Смотри, Татьяна, стащит Надька что-нибудь, вот и будет тебе расплата за всю твою доброту.

– Ты, Людмила, совсем в людях хорошее видеть перестала, – отмахивалась Татьяна Кирилловна.

– А ты сама не понимаешь, что за девчонка? Стащит и имя не спросит.

– Не нужно думать обо всех плохо, а Надя – девочка хорошая.

– Да, хорошая? А кто у меня под окном всю сливу оборвал?

– Так дерево не твоё, а общее.

– Как это? Оно у меня под окном растёт, и я за ним ухаживаю, – кипятилась Людмила.

– Это же дети! Себя ты, что ли, в таком возрасте не помнишь? – добродушно смеялась Татьяна Кирилловна.

А Людмила умолкала, нечего было ответить. Да и не любила она разговаривать с Татьяной Кирилловной, которая вечно всех оправдывала.

Шло время. Росли дети, выросли.

Светлана, пережив очередную любовную историю, выпивать стала больше. Чуть ли не через день приходила домой пьяная. Девочки мать любили и жалели. Но чем больше понимали, тем сильнее отдалялись. Жили своей жизнью, так, как получалось.

Старшая Марина быстро переняла разгульные привычки матери. Скандалила и обвиняла мать во всём. К пятнадцати годам, вполне самостоятельная, она уже не слушала, что ей указывают, да, собственно, никто и не указывал.

Надя в двенадцать лет была ещё слишком привязана к матери. Другой жизни не знала и поэтому не сравнивала. Но чем старше становилась, тем больше отстранялась. Она чувствовала, что не такая, как все, и от этого грустила. Не сразу пришло осознание, что все семьи в округе живут не так, как их семья.

Однажды старшая сестра собрала вещи, назвала мать алкоголичкой и ушла, пообещав никогда не возвращаться. Надя поплакала. Сестру она любила и никак не могла понять, почему так вышло. Теперь ей приходилось одной терпеть выходки пьяной матери. И Надя совсем замкнулась.

В тринадцать лет мир вокруг Нади стал казаться совсем другим. Своеобразное осмысление поступков матери послужило поводом для обиды и злости. На мать, на её мужчин, на соседей. На всех. Только в тринадцать Надя осознала, насколько обделённой была.

Из тихого ребёнка она стала превращаться в странную девушку. Косые взгляды давно уже не заботили. Надя словно возвела барьер между собой и другими. Казалось, ей на всё наплевать.

Мать не желала замечать перемен. Это не интересовало её совсем. Лучшие друзья – собутыльники, и вынужденное присутствие дочери раздражало. Основной вопрос – где взять на выпивку. Света ходила по соседям, пыталась выпросить займы, но делала это часто и люди давно перестали давать. Редко в доме у Цветковых была еда.

К четырнадцати годам Надя стала расцветать той странной красотой, что опалена солнцем, вымыта дождём и высушена ветром. Худощавое тело всё ещё напоминало мальчишеское, но теперь, на нём определились признаки женственности.

Когда очередной ухажёр Светланы похотливо разглядывал девушку, это неизменно вводило мать в яростное состояние. И уже привычным казался её ненавидящий взгляд.

Всё чаще Надя загуливалась с дворовыми пацанами до поздней ночи. К пятнадцати годам узнала и дворовую любовь. Домой не тянуло. С матерью виделись редко. Каждый разговор превращался в перебранку. Неосознанно Надя повторяла слова сестры, что та когда-то говорила матери.

В этот период удивительное сочетание наивности и дерзости бесконечно бросало из одного состояния в другое. Возможно, она была бы только дерзкой, если бы во многих её поступках не сквозила глубокая наивность. И возможно, осталась бы наивной, если бы обстоятельства не заставляли быть дерзкой. Это была та дерзость, которая кажется смешной всякому, кто видит её проявление. И та наивность, которая кажется странной на фоне отчаянной дерзости.

Черты характера Нади были столь противоположны, что казалось непонятным, как кротость уживается с нарочитой развязностью, а почти детская доброта с

неожиданной злобой. Можно лишь точно сказать – то хорошее, что в ней было – дано природой, а к плохому принудили обстоятельства.

Глава 4

В неполные шестнадцать лет Надя имела смутное представление о жизни. Почти не думала, только смотрела. Всё что она знала и видела – это то, как жила её мать.

По-своему понимала – хорошо и плохо. То, что нравилось – хорошо, если не нравится – плохо. Надя не чувствовала полутонов, не понимала, что может быть хорошо – но не очень, плохо – но не совсем. Она не умела приспосабливаться. Мысли, если они были, примитивны и поверхностны. Со стороны она казалась глуповатой, недалёкой. Не имела цели, не строила планы, даже не мечтала. Перемещалась, но не знала, зачем. Желание нравиться порождало желание меняться. А привычное ощущение всеобщей нелюбви всё же вносило в существование некоторое беспокойство. Надя не знала, почему так происходит. И не было того, кто ответил бы ей на этот вопрос.

Все её действия были продиктованы либо инстинктами, либо влиянием. Неразборчивая, она просто подчинялась обстоятельствам и верила, что так нужно. Она почти не ходила в школу. От обычного нежелания учиться, да и никто этого не требовал. Учителя оставили попытки достучаться до её матери. Когда пришло время, школа без лишнего сожаления выпроводила Надю за свой порог.

Независимость как паутина. Попала в неё Надя и не сопротивлялась. Зачем?

Проще всего с пацанами. Среди них она чувствовала себя нужной. Не замечала истинных целей такой с ней дружбы, не догадывалась о происхождении интересов. Главное – отношение. Просто доверяла словам и обещаниям, и не ждала обмана. Она отвечала взаимностью любому, кто говорил ей ласковое слово. Обделённая любовью, искала её там, где она могла быть. Необходимость в любой, пусть даже самой маленькой нежности, притупляла осторожность. Сама того не замечая, Надя постепенно становилась такой же, как её мать, с той лишь разницей, что делала это неосознанно.

Вовка Горохов бывал в той же компании. Он обращал внимание на Надю, ведь говорили, что она неразборчива и глуповата. Порой смешная, не по делу дерзкая. Внешность Нади нравилась ему, а наивность притягивала. Глядя на то, как легка эта добыча – Володька не удержался от искушения воспользоваться ситуацией. Недолго думая предложил встретиться, а Надя не отказалась.

Они встретились раз, потом второй. А дальше, все вечера стали проводить вместе. Наивная Надя притягивала его всё больше, ему хотелось оберегать её и воспитывать. Неожиданно Володька понял, что ошибался. Ведь дерзость Нади заканчивалась там, где начиналось доброе к ней отношение. С интересом, слегка приоткрыв рот, она слушала все, что он говорил. И верила во всё. Он мог рассказывать что угодно, даже самую бессмысленную ерунду. А Надя слушала и удивлялась.

Ему нравилось быть для неё героем. Рядом с ней он чувствовал себя взрослым мужчиной. Конечно, мысленно он спорил с собой. Настроение менялось как погода. То он ругал себя за то, что связался с Надей и собирался немедленно расстаться, то оправдывал. А потом решил – когда придёт время и встретится другая, более порядочная девушка, он тут же легко расстанется с Надей. А она очень быстро найдёт другого. Ведь на такую девчонку всегда есть желающие. Совесть немного мучила Володьку, но так он решил.

Глава 5

Итак, улица гудела от разговоров. А что, собственно, произошло? Люди постоянно женятся и выходят замуж, но не всегда это обстоятельство воспринимается так шумно. Нет ничего необычного, нужно радоваться.

Но тут ведь случай особый.

В то субботнее утро Светлана заглядывала в пыльное зеркало и пыталась уложить редкие волосы. Надя тут же, у окна. Это тревожило мать. Должен прийти новый ухажёр, нехорошо, если Надя останется. Нужно выпроводить её

побыстрее.

– Что-то, Надюха, ты скучная стала, – издалека приступила Светлана. – На улицу не идёшь? Пойди, погуляй.

– Не хочу.

– Скоро должен Шурик зайти – раковину починить, – Света пыталась поправить причёску, но скользкие пряди не слушались.

– Знаю я эту раковину, – буркнула Надя.

– Ты как с матерью разговариваешь?! – взвизгнула Светлана.

– Как могу, так и разговариваю! – Надя встала, зашла в комнату, закрыла дверь.

– Ты мне тут не хлопай перед носом! Смотрите, бедовая какая, – влетела в комнату Света. – Я тебе так хлопну... – и осеклась. – Ты чего это? Что с тобой?

Надя лежала на кровати, повернувшись к стене, и тихонько всхлипывала.

– Ну, что такое? Не хочешь гулять, не иди, – Светлана забеспокоилась. – Полежи, отдохни. Может, поспишь пока?

– Со мной что-то не так, – глухо сказала Надя и положила руку на живот.

Света как стояла с раскрытым ртом, так и села. Тишина.

В эту минуту многое пронеслось в голове Светланы. «Как же так? Это ещё и ребёнок здесь появится? А моя жизнь? Я ведь не успела найти нормального мужика. Как же теперь его искать, когда тут будет ещё и ребёнок? Что же это на мою голову всё валится? Почему я такая несчастливая? Нет, не может быть, Надька что-то напутала». Потом вдруг вернулась в реальность и резко вскочила.

– Кто этот гад?! – визгливо вскрикнула она.

– Вовка.

– Горохов?

– Да.

Опять тишина. Осмысление. Ещё минута.

– А ну пошли, – Света схватила Надю за руку. – Вставай сейчас же!

– Не пойду я никуда. Чего прицепилась?! – Надя с силой выдернула руку.

– Нет? Ну и ладно. Без тебя разберёмся. Теперь мы посмотрим, кто на что способен. Они у меня попляшут!

В голове Светланы моментально созрело решение.

– Сиди дома, я скоро! – крикнула она уже из прихожей, потом снова заглянула в комнату Нади и погрозила пальцем: – И смотри, чтобы тихо, а то... – и она скрылась за дверью.

По двору пронеслась, словно на крыльях. Ещё мгновение, и она уже с силой давит на кнопку звонка.

Дверь распахнулась.

– Зачем так трезвонить? Пожар, что ли? – на пороге появилась плотная женщина в засаленном на груди халате.

Возраст её потерялся где-то в районе пятидесяти – шестидесяти лет. Лицо, простое без намёка на красоту или приятность, скорее строгое, чем злое. Маленькие глазки подозрительно выглядывали из прорезей век. Крупный нос, похожий на мужской. Короткие волосы, густо сдобренные сединой, неопрятно свисали на лоб.

Зоя Семёновна Горохова, мать Володьки, открыла Светлане дверь.

- Чего ты? – спросила Зоя Семёновна, вытирая руки грязным полотенцем.
- Поговорить надо, – сказала Света и шагнула в квартиру, отталкивая хозяйку.
- Заходи, если поговорить. Но зачем трезвонить? Случилось чего?
- Случилось!

Света проследовала на кухню и с уверенным видом села на табурет.

На плите что-то кипело, аромат бульона защекотал в ноздрях. В квартире Светланы никогда так не пахло, и она на мгновение забыла, зачем пришла. В желудке начало подсасывать. Что-то вспомнилось из детства, но грубый голос Зои Семёновны вывел из приятной задумчивости.

- Ну, что? Говори, зачем пришла. Если деньги просить, то не дам. Знаю я твои потребности, – женщина сняла крышку с кастрюли, зачерпнула содержимое, поднесла к губам и стала громко дуть.

Света опомнилась, приняла строгий вид и сразу приступила к делу.

- Надька беременна от Вовки! – выпалила она.

От неожиданности Зоя Семёновна обожгла губу.

- Здрасти, твоя Надька с кем не попадя валандается, а Вовка уже и виноват? Что-то ты Светка напридумывала. Эдак любая может забеременеть и сказать, что от Вовки. Нечего мне мозги пудрить, – раздражённо ответила хозяйка.

- Она сказала, что от Вовки, – не унималась Светлана.

- И что? Вовка пацан – мало ли у него этих девок, и если каждая беременеть начнёт, то, что ему на всех жениться? Нет, дорогая. Решайте свои проблемы сами. Не желаете, чтоб ребёнок появился – знаете, куда идти. А хотите – так воспитывайте. Только всем известно, какое вы воспитание можете дитю дать.

– Нет, Зоя, если бы я так подумала, то не пришла бы к тебе на разговор. Надька сказала, что от Вовки, значит – от Вовки. А ему сколько лет? А? Вот то-то и оно! – многозначительно улыбнулась Светлана. – А Надьке ещё шестнадцать не исполнилось. Чуешь, куда клоню?

Зоя Семёновна помешала в кастрюле, положила ложку и повернулась к Свете. Прищурилась.

– На что это ты намекаешь? – голос её становился угрожающе спокойным.

– А что он думал? Попользуется и до свиданья. За всё платить надо! – с ехидством сказала Светлана.

– Платить?! За то, что весь двор бесплатно имеет! А ну уходи отсюда, пока я ещё в руках себя держу, – закипела Зоя Семёновна. – Платить. Ишь, чего задумала. Они там шляются направо и налево, а мы платить?!

– Да я на вас в суд подам! – вскочила с табуретки Светлана и тут же почувствовала натиск грузного тела Зои Семёновны. – И анализ закажу, если потребуется!

– Я сама на тебя в суд подам, за такие наговоры! – женщина грубо выталкивала Светку из кухни в прихожую. – Шантажировать задумала?! Как бы не так. Докажи сначала!

– И докажу! – упиралась Света, но под сильным давлением стала отступать. – Вот потом побегаετε. Хочешь, чтобы сын в тюрьму сел?

– Ах ты, гадина, чего удумала! Сама потаскуха, каких свет не видывал, и девки такие же. А теперь ещё и аферистками стали. Да я сейчас всем соседям расскажу о твоих аферах! – Зоя Семёновна выталкивала Светку из квартиры, голос её разносился эхом по всему подъезду. Стали щёлкать замки и приоткрываться двери.

Тут обе женщины одновременно смолкли.

Светка ушла, злобно ругаясь себе под нос, а Зоя Семёновна захлопнула дверь и с озабоченным видом вернулась на кухню. Она ожесточено помешала в кастрюле и с силой бросила ложку на стол.

Нет, ну это надо же такому случиться.

Глава 6

Жизнь Зои Семёновны никогда не была лёгкой. Когда она была деревенской девчонкой, необходимость вставать чуть свет, доить корову, кормить кур, свиней и другую живность заложила в ней бесконечное терпение. Когда вышла замуж, переехала в город, тут работала на прядильной фабрике. Одного за другим родила двоих сыновей.

Покойный муж Михаил – тоже труженик, любой тяжёлой работы не чурался. И он, и она – простые люди. Отношения строили на взаимопонимании и доверии. Болезни и нехватку денег стойко переносили. Все тяготы на двоих. На жизнь никогда не жаловались. Трудились, как могли, ради будущего детей.

Сыновья по-разному оценивали жизнь родителей. Валера старший – стеснялся и отца и мать. Считал, что рабочий человек это просто муравей в большом муравейнике. Делай своё дело и молчи. Не нравилась ему такая перспектива, и он стремился к более высоким горизонтам. Искал место пожирнее, чем работягой на заводе. Но на жирные места всегда находились охотники пошустрее. Валера терпел неудачи. Но однажды всё-таки и ему повезло. Выгодно женился и уехал с женой столицу.

Володя младший – родителей своих уважал именно за то, что они всю свою жизнь трудились не покладая рук. Гордился тем, что отец и мать – простые люди, и никогда этого не стеснялся. Как истину запомнил – руки кормят, и это правило стало основой его жизни. Выучился на автослесаря. И был уверен в будущем. В том, что семья его никогда не будет нуждаться.

Терпение и трудолюбие он впитал с молоком матери. Стремление помогать, простое и естественное, и его добрый отзывчивый характер притягивали людей. Он всегда помогал от души, не отказывал никому.

Сыновей Зоя Семёновна любила по-разному. Валеру – снисходительно, многое прощала и оправдывала. Володьку – ласковой любовью. Немного эгоистичной, но не настолько, чтобы не давать свободы.

Не всегда она могла скрыть свои порывы. Разность этой любви была слишком значительна. Неумышленные, случайные поступки матери всегда заметны. Будь то лишний поцелуй или лучший кусочек, слово, оброненное невзначай. Ребёнок, которого хоть немного меньше любят, всегда это замечает. Как бы его ни пытались уверить в обратном.

Всё это откладывается в душе. Копится долгое время. А в какой-то момент выплёскивается наружу, вместе горечью или обидой, и тогда никакие аргументы не спасают от жёстких выводов. Тот, что был всегда вторым, если и не обозлится, то отойдёт.

Отошёл и Валера.

Муж Зои Семёновны умер несколько лет назад. Вёл машину, припарковался у обочины, положил голову на руль и всё. Сердце его просто остановилось.

С тех пор Зоя Семёновна и Володька жили вдвоём. Были друг для друга поддержкой и опорой.

После ухода Светланы Зоя Семёновна долго сидела на кухне и уже не обращала внимания на яростно кипевший суп. Потом протянула руку и выключила огонь.

То, что произошло, не могло даже представиться. Как это случилось? Сын с этой? Её Вовка, которого так лелеяла и оберегала. Он – её мальчик, её любимчик. Он не мог так поступить. Конечно, когда-нибудь у него должна была появиться девушка – но не такая! Это несправедливо! Почему именно он попался на эту удочку? Ведь не этого она желала. Не такой жизни для своего сыночка. Его затянули в свои сети эти гадкие люди. Зачем Володька вообще связался с

этой девкой? Как он мог?

Мысли кружились в голове. Они налетали роем, смешивались. Женщина не знала, за какую уцепиться. То одно, то другое приходило в голову. Мысли искали выход, но не находили. И вот уже в сотый раз Зоя Семёновна спрашивала себя: «Как быть? Что делать?»

Вечерело. За окном сумерки окутали двор. Там весёлые голоса. Весна. Люди не спешат закрыться в квартирах. Сбились по лавкам. Разговаривают.

А Зоя Семёновна всё сидела, и не знала, что скажет Володьке, когда он придёт.

Но вот шаги на лестнице. Он? Нет. Прошли дальше. Где он? Она посмотрела на часы. Полдевятого. Что же так долго? Снова шаги. Он!

В замок вставили ключ. Послышался скрип открываемой двери.

– Мама! – окликнул Володя.

Женщина сидела в сумерках и боялась отозваться. Володька заглянул в кухню.

– Ты чего свет не включаешь? – весело спросил он и щёлкнул выключателем. – Что вкусненького? – тут он внимательно посмотрел на мать. – Ма, ты чего сидишь в темноте? Что-то случилось?

Вид у неё наверняка беспомощный и жалкий.

– Случилось, Вова, – она пыталась подобрать слова. – Светка приходила.

– Какая Светка? – он вопросительно смотрел на мать. – Ма, скажи толком?

Кто приходил?

– Цветкова.

– Ну и что? – забеспокоился Володя.

– Надька беременна. Сказала, что от тебя. Светка собирается в суд подавать, – с трудом выдавила Зоя Семёновна.

– Да что ты говоришь? Какой суд?

– А это ты у неё пойдё спроси! – вдруг вскочила с табурета Зоя Семёновна.

Володька примолк, потупился.

– Вова, ты мне сейчас всё скажи, я мать – я пойму. Таскался ты к этой Надьке?

– Ну, вроде того, – нерешительно ответил Володька.

– Вроде того, – зло передразнила мать. – А теперь вот она беременна, и всё на тебя сваливают. А там, может, не только ты побывал, а весь двор, да и соседний в придачу.

– Мама, не нужно. Мы с Надей встречаемся. А всё, что о ней говорят – это враньё, – защищался сын.

– Не знаю уж, кто там что говорит, а только теперь ты – козёл отпущения. А знаешь ты, сколько ей лет? Она же малолетка. Ты об этом думал, когда с ней встречался? Где твои мозги? Это уголовка!

– Да при чём тут это. Не надо так кипятиться. Ничего страшного не произошло. Если так, – он задумался на мгновение, будто решался, – то я женюсь на ней.

– Что?! – Зоя Семёновна стала глотать ртом воздух, схватилась за бок, опустилась на табурет.

Вовка бросился набрать воды, потом к шкафчику.

– Ой, ой, – тихо повторяла мать.

Володя быстро накапал в стакан и подал матери. Она выпила.

– Ох, сыночек, ну и удружил ты, – тяжело дышала Зоя Семёновна.

– Мама, послушай, – Володя сел напротив и взял руку матери. – Надя нормальная. Она хороший человек, и ты зря думаешь, что всё так плохо. Конечно, я не думал, что так получится. Но отступить я не стану.

– Но сынок, я просто не могу себе представить, чтобы эта девка...

– Надя, мама, – твёрдо сказал Вовка.

– Что Надя станет твоей женой. Как вы жить будете? Ей шестнадцать лет.

– Да уж как-нибудь проживём.

– Ну, не знаю, не знаю, – грустно сказала Зоя Семёновна. – Ты разве не понимаешь, что это за люди? Я просто не могу представить, что ты женишься на ней. Не для того я тебя растила, чтобы в один день отдать тебя в лапы жуликов.

– Я не принуждаю себя делать это. Просто хочу, чтобы всё было правильно. Тем более что здесь есть и моя вина.

– Ну, хорошо. Может, ты и прав. Но ведь ты можешь жениться на ней, но не обязан с ней жить. Будем помогать по возможности. Мне хотелось не такой для тебя судьбы и не такой невесты.

– Ничего, мама, я тебе обещаю, ты сама поймёшь, какая Надя хорошая. Её просто нужно забрать оттуда. Сейчас мы не можем знать, как всё будет. Давай не будем загадывать.

– Ох, Вовка, ярмо ты на шею себе вешаешь. Помяни моё слово, – женщина покачала головой.

– А ты, мама, что же, не с ярмом ходишь? Думаешь, я не видел, как ты всё тянула на себе.

– Смотри, Вова. Не ошибись. Бог знает, как я хочу, чтобы твоя жизнь сложилась иначе, чем моя. Сразу тогда бери Надьку эту в руки и покажи, кто в доме хозяин,

глядишь, не забалуешь. Ежели что, кулак под нос, и баста, – показала Зоя Семёновна.

– Ну, мама. Ты уже совсем хочешь из меня какого-то монстра сделать, – усмехнулся Володя.

На том и остановились.

Глава 7

Вечерело. Сумерки окутывали парк серой вуалью. Ещё можно видеть вдаль, но уже сложно рассмотреть детали. Только тени и силуэты.

На узкой дорожке в глубине парка, где растёт большой куст шиповника, стоит скамейка, не заметная с центральной аллеи. Тут иногда встречались Володька с Надей. Здесь он впервые её поцеловал. Здесь рассказывал бесконечные истории своей жизни.

Кажется, как давно это было. Будто год прошёл, а на самом деле всего пара дней. Володька сидел и вспоминал свою пустую болтовню. Вспомнил грусть в глазах Нади. Как он не заметил? Тогда это было не важно, и он не придавал значения. Если бы был чуть внимательней, он должен был узнать обо всём первым. Но так не случилось. А теперь какая разница. Кто первый, кто второй.

Сомнения терзали его день и ночь. Так неожиданно случилось. Разве мог он предположить вчера, когда шёл с работы, что уже через час будет готов жениться. Но так складывались обстоятельства, другого пути не было. Надя, конечно, нравилась ему, но Володька совсем не думал, что женится на ней. Встречаться – это одно, а жениться – совсем другое.

К женитьбе он собирался подойти со всей серьёзностью, а не так с бухты барахты. И уж конечно, не под давлением. А тут получается, что его желание жениться продиктовано только страхом суда и тюрьмы. Решение принято, но не принято ли оно сгоряча, только для того, чтобы ответить матери. Правильно ли он сделал, что так сказал? Может, всё-таки поторопился? Нужно поговорить с

Надей. От неё зависело, окрепнет его решение или нет. Да что она может сказать, просто подчинится. И всё. Выбора у неё нет.

Ответить самому себе, любил ли он Надю, Володька не мог. Возможно, это увлечение, влюблённость в девчонку, которая так послушна и покладиста. Да, она, возможно, не та, и не так он рассчитывал когда-нибудь жениться. Но сейчас обстоятельства загнали в тупик.

Иногда проскакивала другая мысль. Почему, собственно, он должен это делать? Только потому, что она ждёт ребёнка? И что с того?

Нет, тут что-то другое. Ведь не просто так он сказал матери, что женится, совсем не сгоряча. Что-то изнутри толкнуло сказать эти слова. Что? Володька хотел понять это при встрече с Надей. Нехорошо получилось, Надя ведь так молода. Но с другой стороны, это даже лучше, её ещё можно перевоспитать. Правильно мама сказала, сразу показать – кто в доме хозяин.

Володька осмотрелся. Справа медленно бредёт пара пожилых людей. Чуть дальше на лавочке парень с девушкой.

В конце дорожки показалась Надя, он понял это по силуэту. Чем ближе она подходила, тем отчётливей вырисовывалась одежда, волосы, лицо. Джинсики в обтяжку, футболка, всё одно и то же. Надя такая, как всегда, но Володьке показалось, что-то новое появилось в её образе, что-то родное.

Надя подошла. Глаза припухшие, точно плакала. Села. Несколько минут сидели молча, каждый думал о своём.

Надя комкала в руках носовой платок. Володька оперся локтями на колени и смотрел в сторону, он боялся нарушить тишину. Достал сигарету, покрутил её в руке, скомкал и бросил в кусты. Встал.

– Так, – выдохнул он. – В общем, я уже всё решил. Мы с тобой распишемся.

– Как это? – Надя подняла взгляд.

– Как все люди. Пойдём и распишемся. А чего мусолить? Ты же не возражаешь?

– Я не знаю, – тихо сказала Надя.

– А о чём ты думала? – строго спросил он.

– Думала, ты будешь ругать меня за всё это, – она опустила взгляд.

– Да чего тут ругать. Оба виноваты. И я не меньше твоего. Послушай, раз уж так вышло, то лучше бы нам расписаться. А там уже посмотрим. Не понравится, разведёмся, долго, что ли. Но пока так. И тебе хорошо, и я не буду выглядеть гадом.

Надя смотрела на свои руки. Она, видно, совсем не ожидала такого поворота и не стала противиться.

– Ну, хорошо, – тихо произнесла она и заморгала, пытаясь удержать набежавшие слёзы.

– Хорошо. Тогда решено, завтра идём в ЗАГС, – Вовка внимательно посмотрел на Надю.

– Хорошо, – сказала она, и губа её по-детски задрожала.

– Да ладно, Надюха. Ведь решили уже, – Вовка присел рядом и обнял Надю. – Завтра бери паспорт... – он остановился. – А ты... Паспорт у тебя есть?

– Нет, – в голосе её послышался испуг.

– Это хуже. Ладно, завтра всё порешаем. Надо подумать, где мы жить будем. С матерью поговорю. А может, у тебя?

– А мама? – беспокоилась Надя.

– А что мама? Придём жить, и точка, – сердито отозвался Володька.

Через две недели Надя и Вова были уже женаты.

Глава 8

Удивительно, как непредсказуема жизнь. Как изменчивы повороты судьбы. Сегодня мы ведём однообразное существование, а завтра несёмся и решаем ворох немыслимых задач. Утопаем в океане дел. Порой нам кажется, всё отрегулировано. Неизменно. Стабильно. Но что-то случается, и отлаженное ломается. Прямая линия гнётся.

Неожиданность таких поворотов – удивляет нас. Останавливает. Заставляет задуматься.

Повороты судьбы непредсказуемы. Для каждого – свои. На наших героях перемены сказались по-разному.

Надя, так неожиданно ставшая женой, поняла, что небесполезна. Воспаряла духом. Всё доброе, что годами скрывалось, вдруг проснулось. Ей хотелось оправдаться. Показать Володьке, что он не ошибся. Всеми силами своей юной души она потянулась к нему. Ведь понимала – он сделал доброе дело. Помог. Заступился. И теперь она не одна.

Повезло. В период податливости семена вредных привычек не успели пустить корни. Недозрелость ума, стала спасительной соломинкой. Период распутья ещё не пришёл. И Надя ещё не делала основательных выводов.

Один человек привыкает к серому и уже не может переносить белый. Всю жизнь Надя провела в одних и тех же условиях. Не знала ничего другого. Но только обстоятельства поменялись, цепкое желание перемен завладело юным сердцем. Надя увидела путь. Возможность разрушить старое и создать новое. Это желание ещё не вырывалось наружу, но стойко теплилось. Появилась надежда. Небольшой луч. Направление. И Надя покорила этим обстоятельствам.

Новая жизнь. Пусть даже с небольшими переменами, но всё же – новая. Надя как будто проснулась. Все, что было раньше, растворилось в прошлом. Теперь появилась цель. Ребёнок. Володька. Семья.

Володя после женитьбы почувствовал большую ответственность. Неожиданная смена статуса заставила быстро поменять привычки и приспособиться к обстоятельствам. Теперь он – муж. Скоро станет отцом. С большим рвением взялся за эти роли Володька. Всё. Игры кончились. Началась новая жизнь.

Светлана предавалась мечтам. Бесконечно представляла, как тратит деньги Гороховых.

Во-первых, приоденется, а то совсем пообносилась. Во-вторых, устроит пирушку для друзей. А там придумает, как дальше. За всё время мечтаний пару раз вспомнила о Наде. «Всё же хорошо, что Надька забеременела от этого болвана – Вовки. Он неплохо зарабатывает, да и мать небедная».

А тут как снег на голову – женятся. Такого поворота, Света никак не могла предугадать. Весь её план шантажа и вымогательства рухнул, словно карточный домик. Только она начала представлять, как поправится финансовое положение, и как безбедно она заживёт, и вот – разочарование. «Жизнь несправедлива ко мне», – думала Света. «Только я почувствовала себя человеком, как снова всё то же. Не могла Надька загулять с кем-то, кто не хочет жениться. А он, смотрите, какой порядочный отыскался. А если она вообще не от Вовки беременна?» И проводила Света дни в этих грустных размышлениях. Очень злилась. Она не допускала мысли, что на её Надьке может кто-нибудь жениться.

Для Светланы поворот судьбы оказался совсем нехорошим. Мало того, что вся выгода уплыла из рук, так ещё и поселились молодожёны в её квартире. Всякий раз, как она приглашала к себе друзей, Володька устраивал скандал. Напоминал, что Надя беременна, и ей ни к чему видеть пьяные посиделки. Светка пыталась огрызаться. Но воинственный настрой Володьки пугал. Приходилось уступать. Теперь из-за Надькиного положения и друзей нельзя пригласить? Света негодовала. Что же получается, сейчас беременна, а потом ребёнок, тогда вообще ни повернись ни развернись? Неудобство – совсем озлобило Светлану. С тех пор, как поселился этот защитник Вовка, жизнь стала

просто невыносимой.

– Если не нравится со мной жить, так катитесь отсюда оба! – щетинилась Света в перепалке с зятем.

– Вот сами вы и катитесь! – отвечал Володька.

– Я у себя дома! – орала она.

– Мы тоже дома!

Всякий такой разговор оказывался бесполезным. Хоть и пускала она в ход весь запас бранных слов. А теперь всей душой ненавидела Вовку, и Надю вместе с ним.

Какова же была радость для Светланы, когда в один прекрасный день она пришла с работы, а никого нет. И вещей нет. Только записка: «Мама мы переехали к Вове».

Поначалу Зоя Семёновна совсем поникла. Ей было жаль сына. Как он мог попасться в лапы к таким людям? Окутали. Завлекли. Жениться хочет. На ком – на малолетней гулёне! Да, сердце матери такое с трудом может вынести. Поплачет, выпьет капель, грустно вздохнёт, да делать нечего.

Она страдала. По ночам Зое Семёновне снилось, как Володька ходит с бутылкой, в стельку пьяный и орёт неприличные песни. Сердце матери, обливалось слезами. Как она могла отпустить сына к таким людям?

Сначала сопротивлялась, не хотела принимать Надю. Но страх за сына сильнее нежелания видеть невестку. Уж лучше терпеть её, чем потерять сына.

Каждый день Володька забегал к матери. Зоя Семёновна кормила его, давала пакет с собой. Как-то намекнула на знакомство с невесткой. Володька согласился. Привёл Надю. Поговорили. Попили чай.

После первой встречи с Надей Зоя Семёновна с удивлением обнаружила, что все её представления оказались неверны. Знакомство с Надей стало сюрпризом. Она ожидала наглую беспардонную девицу, но всё оказалось совсем не так. Надя была тихой и покладистой, и это стало открытием. Зоя Семёновна, настроенная на борьбу, почувствовала полное подчинение. Она видела грустные глаза Нади. Чувствовала, что именно сейчас может стать ей близким человеком. Было совершенно ясно, что девчонка старается угодить. Угловато, тихо, но старается.

Они сдружились, быстро и просто. Вскоре молодые переселились из одного дома в другой.

Под руководством Зои Семёновны, Надя стала готовить. Свекровь не скупилась на слова одобрения. Замечала счастливый огонёк во взгляде невестки. И тоже радовалась за себя и за Надю.

Глава 9

Стоило только молодой семье пересечь двор с двумя небольшими дорожными сумками в руках, как сразу разнёсся слух: «Светка выгнала беременную дочь с мужем».

С большим усердием за дело взялась тётя Люда Бубенцова. С самого утра у дозорного пункта обсуждались все возможные причины переезда молодых.

– Говорю вам, Светка выставила их вещи на лестницу и заперлась в квартире со своим новым хахалем. Надька весь день под дверью упрашивала мать впустить её, – на ходу придумывала Людмила.

– Да нет, – возражала пожилая соседка тётя Маша. – Они сами ушли, потому что Светка материла их на чём свет стоит. А Надька ведь беременная, и не может слушать трёхэтажный мат. А ну как ей дурно сделается?

– А я думаю, – вступал в разговор пенсионер Иннокентий Фёдорович. – Я слышал, Вовка побил Светкиного любовника. Отдубасил так, что ребра сломались. Побёгли скорую вызывать, а любовник-то убёг.

– Да где вы такое слышали? – налегала тётя Люда, руки в боки. Она не могла позволить, чтобы кто-то придумывал новости за неё. – Если не знаете, Фёдорыч, то и нечего повторять всякую ерунду. Если бы Вовка кого-то побил, я бы уж точно знала.

Фёдорович притих под напором авторитета Людмилы.

– И правильно сделали, что ушли.

Это включилась в разговор восьмидесятилетняя бабушка Фаня. Она шамкала беззубым ртом и потрясала сморщенной рукой.

– Надя хорошая девочка, я её с детства помню, как она маленькая ишо была. Чего ж ей с этой непутёвой Светкой сидеть?

– А Надька сама, что ли, подарок? Яблоко от яблони недалеко падает, – отвечала Людмила.

– Да, видно, поцапались, ежу понятно, – не унимался Фёдорович.

– Фёдорыч, вы совсем оглохли? Говорю, на лестнице весь день стояла, а он – поцапались, да поцапались, – налетела на него Людмила.

Тот снова притих.

– Что за семейка, никак не могут жить по-человечески, – сетовала тётя Маша.

– Где уж им. Такие люди. Не одно, так другое. Это уже навсегда, – сделала заключение Людмила.

Так и крутили они со всех сторон, все возможности обсуждали, да ходы просчитывали. Кто-то отходил, кто-то подходил, но тётя Люда не оставляла своего поста.

Ближе к вечеру показалась Зоя Семёновна. Она шла с работы с двумя полными авоськами в руках. Разговоры затихли.

– Семёновна! – остановила её Людмила. – Что, новые квартиранты у тебя?

– Какие квартиранты? – не поняла Зоя Семёновна.

– Ну как же? Сын с невестушкой, – сделала Людмила сладкое лицо.

– Разве это квартиранты? Они у себя дома, – в той же манере ответила женщина.

Видно, догадалась, что до её появления беседа шла о Володе с Надей. Поставила сумки, чтобы отдышаться, а заодно и ответить, как полагается.

– Ну что невестушка? – растянула Людмила рот в улыбке, которая открывала несколько пустых мест среди зубов.

– Да что там невестушка, дай Бог каждому, – улыбнулась в ответ Зоя Семёновна. – Вот сейчас приду, ужин готов, в квартире чистота, бельё выстирано. Чего ещё желать? Поужинаю, да завалюсь на диван, сериалы смотреть. Ни забот, ни хлопот, – она взялась за сумки. – До чего работающая девочка, что лучше и не пожелаешь.

Бубенцова не сразу решила, что ответить на такое неожиданное признание.

– Ну-ну, – только и смогла выдать она.

Зоя Семёновна пошла дальше. Когда отдалилась на приличное расстояние, дискуссия продолжилась.

– Думаете, всё так, как она говорит? – Людмила проводила женщину подозрительным взглядом и с ехидством заметила: – Я считаю, она сильно приукрасила. Не может быть, чтобы Надька была работающая.

– Почему же, она и мне как-то сумку помогала нести, – откликнулась тётя Маша.

– И мне, – задумчиво произнёс Фёдорович, стараясь не разозлить Людмилу.

– Ну, помогла, а вы сумки потом проверили? Может, она стащила что-нибудь, а вы и уши поразвесили, – и немного погода добавила: – Все-таки, наверное, приврала.

– Да нет. Я Зою знаю, она врать не станет, – вступилась тётя Маша.

Людмила понимала, что проигрывает, и решила обязательно докопаться до истины.

Глава 10

Надя словно оказалась в другом мире. В новом жилище – атмосфера уюта и тепла. Трудно поверить, что люди так живут всегда. Внимание сначала пугало. Надя не понимала, чем заслужила хорошее отношение. Не верила поначалу, но постепенно привыкала. Здесь она почувствовала, что можно жить иначе. Жить и не стыдиться. Каждый день казался лучше другого. Хотя все они были почти одинаковыми.

Вечерами, перед тем как заснуть, Надя думала – вдруг всё закончится?

Тогда снова придётся идти домой, к матери. От этой мысли Надя вздрагивала, открывала глаза и долго смотрела в потолок.

Сначала она робела и постоянно спрашивала разрешения. Немного погода освоилась и перестала это делать.

Зоя Семёновна всякий раз говорила:

– Не нужно обо всём спрашивать. Хочешь включить телевизор – включай. Хочешь, есть – ешь. Ты у себя дома.

Надя смущалась, но слушалась. Иногда замечала внимательный взгляд свекрови. Это настораживало. Казалось, вот сейчас сделай она что не так, и Зоя

Семёновна рассердится и прогонит. Но ничего такого не происходило, и Надя успокаивалась.

Как-то, вытирая с подоконника пыль, она зацепила горшок с цветком. Тот упал на пол и разбился. Дрожащими руками Надя убрала осколки. От страха перехватывало дыхание. Два часа не находила себе места.

– Говори уж, что стряслось? – с порога спросила Зоя Семёновна.

– Я ваш любимый цветок разбила случайно, – тихо сказала Надя и потупила взгляд, но спохватилась и добавила: – Я куплю новый.

– Только-то, – улыбнулась Зоя Семёновна. – Ничего страшного. Наплюй. Не очень-то я его и любила.

– Так вы не злитесь на меня? – приободрилась Надя.

– С чего бы это, глупая? Ты ведь ничего плохого не сделала, а случайно разбила цветок. Ты же не специально?

– Нет.

– Ну, вот и всё, – заключила Зоя Семёновна.

В благодарность за такое отношение Надя платила уважением и исполнительностью, не давала Зое Семёновне даже прикоснуться к домашней работе.

Тревога и напряжение Нади уходили под напором душевного тепла свекрови. Здесь было добро. Надя чувствовала себя ребёнком, которого любят. Старания её не остаются незамеченными. Надя привязалась к свекрови, хоть и побаивалась немного.

Порой задумывалась о матери. Иногда видела её из окна, пьяную, с друзьями. Иной раз Надя представляла, как могла сложиться жизнь, если бы Вовка не женился. От таких мыслей становилось страшно. Она с ребёнком и рядом мать. Что она смогла сделать? Что изменить? Ничего.

Со временем, наверное, стала бы такой же. А её ребёнок бегал бы на улице, как когда-то бегала Надя. Когда думала об этом, то мысленно благодарила Володьку, ведь он не дал этому случиться.

Однажды Надя со свекровью управлялись на кухне. Внезапно Надя подошла к Зое Семёновне, взяла её руку и быстро поцеловала.

Женщина чуть не отпрыгнула.

– Ты что это удумала? – выкрикнула она.

– Спасибо вам, – сказала Надя.

– Вот дурочка, – Зоя Семёновна обняла невестку, а Надя обхватила необъятную талию свекрови.

Прошла минута, но эта минута длилась долго. Они стояли как мать и дочь, которые глубоко любят друг друга, и каждая была по-своему счастлива. Это был момент, который навсегда их сблизил. Одна эта минута изменила всё.

Живот рос. Новая жизнь пробудилась и напоминала о себе. Новые ощущения каждый день. Надя округлилась, похорошела и выглядела теперь совсем не так, как раньше.

Но ведь кроме свекрови был ещё и муж – Володька. Надя не испытывала к нему тех чувств, которые должна бы испытывать. Она любила его как брата и сторонилась. Чувствовалось, что он тоже не воспринимает её как жену, скорее, как младшую сестру, которой требуется забота.

С тех пор как поженились, Володька не прикоснулся к ней, будто боялся. Надю это не тревожило. Конечно, если бы он хотел, она бы не отказала, ведь теперь она его жена. Но он – не хотел.

Казалось, если она плохо будет выполнять свои обязанности, то Володька разведётся с ней. И снова мысли о возвращении домой. Нет. Этого нельзя

допустить. Всеми доступными средствами Надя старалась задержаться здесь как можно дольше и не испортить то, что есть.

Но иногда она замечала, как он задумывается. Володька никогда не упрекал, не говорил ничего такого, что могло насторожить. Сложно было определить его настроение. Порой он был весёлым и общительным, иногда злым. Надя почти понимала, почему он такой, но старалась избегать плохих мыслей. Ведь если она ответит себе на этот вопрос, то жизнь здесь станет невыносимой. Казалось, что-то летает в воздухе, и очень скоро отравит их существование. Она ждала. И это пугало. Она терпела, молчала и угождала.

Вечерами они гуляли. Это было уже не так, как раньше. Тогда их ничего не заботило.

Они болтали о всяких пустяках. Теперь – больше молчали. Лишь пара фраз, и только.

Прошло лето. Жаркие дни сменились свежими тёплыми. Осень, ещё не показала краски, но её аромат уже заполнял воздух. Больше всех времён года Надя любила осень. В это время она грустила, но грустила с вдохновением. Думала о будущем, и оно почти всегда представлялось счастливым. Осенью просыпались мечты и надежды. Всё, что Надя хотела – это уголок, где могла бы жить и не зависеть ни от кого. Жить тихо и свободно.

Сентябрь зачастил дождями. Но именно дождь и серое небо так любила Надя. В такие дни её нельзя было удержать дома, она любила гулять под дождём. Останавливал только сильный ливень. Тогда Надя садилась у окна и долго смотрела, как бушует непогода.

В сентябре пошёл восьмой месяц беременности.

Однажды утром Надя открыла глаза и увидела Володьку. Он сидел на стуле напортив и смотрел на неё. Едва она собралась сказать – «Доброе утро», как он поднялся и вышел из комнаты.

И вот тогда Надя по-настоящему испугалась.

Глава 11

В дверь позвонили. Света открыла один глаз, второй открыть пока не удавалось. Встала с кровати. Пошатываясь, вышла в прихожую. Дёрнула входную дверь.

На пороге Надя. Или кто-то похожий. Второй глаз наконец открылся. Светка внимательно осмотрела дочь. Она уже не похожа на ту бледную худую Надю, которая так раздражала. Румяное лицо, аккуратно собранные волосы, курточка, большой живот.

– А, это ты, – равнодушно протянула Света, повернулась и пошла на кухню.

Вытянула из кучи грязной посуды кружку, налила воды и жадно стала пить. Надя проследовала за матерью.

– Я тебе продуктов принесла, – она поставила на табурет большой пакет.

– Наконец-то вспомнила, что у тебя мать есть.

– Я помню об этом всегда, – Надя, медленно выкладывала на грязный стол продукты.

Мать заметила, что и разговаривает дочь как-то иначе. Спокойно. Снисходительно.

Это злило.

– А чего не навещаешь? Порядочная, что ли, стала? Я вижу, ты там неплохо устроилась.

– А чего мне сюда ходить. Посмотри, какая тут грязь.

Заляпанные стены, по углам повисли серые ткани паутины, грязная посуда. В углу – строй пустых бутылок, на полу мусор. За несколько месяцев здесь стало ещё хуже.

– Когда-то тебя это не смущало, – Света разорвала пакет с сосисками, достала одну и откусила половину.

– У меня не было выбора, – Надя поискала глазами, взяла тряпку, протёрла табурет и села. – Я пришла помочь тебе убрать в квартире.

– А если я не хочу?

– Мама, так нельзя. Посмотри вокруг, как можно жить в таких условиях?

Надя облокотилась на стол и посмотрела на мать. Худая неопрятная женщина, что стояла напротив и ела сосиски одну за другой, вызывала только жалость. Давно не крашенные, грязные волосы блестели сединой. Много новых морщин легло под глаза. Почти серая кожа обтягивала худое тело. Почему она стала такой? Что мешало ей быть нормальной?

Ничто уже ей не поможет. Ну, уберёт она в квартире, перемоем посуду, принесёт продуктов, а через день всё будет снова, так, как сейчас. Образ жизни матери не менялся годами.

– С каких это пор ты такая добрая стала? Смотрите, пришла тут, Мать Тереза местного масштаба. Сама как-нибудь управлюсь! – Светка злобно жестикулировала перед лицом Нади.

– Так жить нельзя, – повторила Надя задумчиво.

– Да что ты заладила, нельзя да нельзя? Живу, как могу, и не перед кем отчёт держать не собираюсь. Ты что, пришла морали мне читать?

– Неужели ты не понимаешь, то, что ты делаешь – плохо, – Надя показала на бутылки.

– А что тут такого? Человек уже и выпить не может? – пожала плечами мать. – Ты сама-то давно ли такой правильной стала? Пришла тут. Меня учить не надо – уже учёная.

Разговор этот был бесполезен. Мать никогда не изменится. Надя решила, что доброе отношение поможет. Но, ошиблась.

Она встала. Мать посмотрела на большой живот и немного смягчилась.

– А ты, как вообще? Свекровь не обижает? А то я могу...

– Не обижает.

– Так ты заходи. Поболтаем.

– Как-нибудь зайду, – Надя грустно посмотрела на мать.

– И поесть захвати, – поспешила напомнить Света.

Никто из них не догадывался, что это была их последняя встреча.

Глава 12

На станции техобслуживания, где работает Володька, есть традиция. Каждую пятницу после работы мужики идут в ближайшую забегаловку, отдохнуть от рабочей недели. Каждый раз звали с собой и Володьку: «Хватит, мол, под каблуком ходить, пора показать, кто в доме хозяин». Поначалу посмеивались над ним. Шутили по поводу быстрой женитьбы. Он обижался.

От посиделок с мужиками Володька отказывался, чувствовал ответственность перед Надей. Но в ту пятницу решил плюнуть на всё и немного расслабиться. Уговорили.

В заведении, за бокалом пива, заботы словно улетучились. Сиди, попивай холодненькое, да слушай анекдоты. За пару часов Володька захмелел. В голове туман, в теле приятная истома. Словно ничего не тревожило, незначительные угрызения совести, отступили и уже не возвращались.

Когда распрощались, побрёл Володька домой неверной походкой. Как проделал он этот путь, осталось загадкой, но инстинкт вёл в нужном направлении.

Около одиннадцати вечера Володька стоял возле квартиры и хлопал по карманам, пытался найти ключи. Но тут дверь открылась, и Надя в домашнем халате вышла на лестничную площадку. Остановилась и испуганно посмотрела на Володьку.

– Что смотришь? – громко сказал он.

Надя молчала.

– Чего уставилась? – повторил Володька.

– Ничего, – голос её дрогнул.

Надя повернулась, чтобы зайти обратно, но Володьку это задело, и он схватил её за руку.

– Куда пошла? – дёрнул на себя.

– Вова прекрати, заходи домой. Люди услышат, – попыталась вырваться Надя.

– А мне плевать! – неожиданная, горячая волна ненависти затуманивала ему рассудок. Володька тряс Надю, как маленького цыплёнка. Злое и обидное чувство подкатило и не отпускало.

Резко Надя попыталась выкрутиться, оступилась, и в следующее мгновение уже катилась вниз по лестнице.

К Володьке вдруг вернулось сознание. Он отрезвел моментально. Кинулся вниз.

Надя лежала без движения. «Я убил её!» – пронеслось в голове.

– Надя, Надюша, – тряс он её за плечи. – Надюша, очнись.

Но она не приходила в себя. С безумным взглядом он сидел и пытался привести её в чувство, но безвольное тело, словно игрушка, болталось в его руках. На её щеке показалась кровь. И Володька в страхе отступил.

Скрипнула дверь подъезда, слышались шаги. Медленно, отдуваясь, кто-то поднимался по лестнице. В пролёте показалась Зоя Семёновна. Она засиделась у приятельницы, выпила пару рюмочек коньяка и теперь возвращалась в хорошем настроении.

От того, что она увидела, лицо исказилось.

– Вовка? – грузность её тела вдруг пропала и она влетела на лестничную площадку, как большая птица. – Что ты сделал?

– Мама, – Володька сидел, как ребёнок, которому требовалась помощь. – Я не знаю, как так получилось.

Женщина склонилась над Надей. От Володьки пахло перегаром.

– Ты что пил? Пил?! – повторяла она, а он беспомощно смотрел на неё. – Быстро неси её в квартиру! – скомандовала мать.

Володька подхватил тело Нади.

Её уложили на кровать. Зоя Семёновна позвонила в скорую. Володька сел, уронил голову на руки и боялся пошевелиться.

– Что я наделал? Что я наделал? – без конца повторял он.

Надю увезли в больницу. Рано утром Гороховы тоже были там. Доктор, сказал – пришлось срочно делать операцию. Надя в реанимации, ребёнок в интенсивной

терапии. Угрозы жизни мальчика нет. У Нади состояние нестабильное.

На вопрос: «Что случилось?» – Зоя Семёновна ответила, что Надя оступилась и упала с лестницы. Но когда говорила, старалась не смотреть доктору в глаза.

Тихо сидели Гороховы в комнате ожидания. У каждого свои мысли.

Володька клял себя за происшедшее. Не мог поверить, что такое натворил. Ведь он никогда не был злым и жестоким. И не мог понять, откуда взялась эта ненависть. Пытался дать себе ответит на вопрос – «Зачем?». Но не мог ответить. Просто винил себя во всём.

Он не подпускал мысли, что давно не дают покоя. То, кем была Надя до знакомства с ним. Что она делала, как жила. Это грызло его изнутри и отравляло разум. А что если она опять станет «такой»? Если, она только прикидывается, а сама затаила что-то плохое? Может, он совершил ошибку, когда решил жениться на ней?

Он много над этим думал. Но когда приходил домой и видел Надю, все дурные мысли сразу улетучивались. Да, она действительно другая. Не может быть, чтобы в этой маленькой тихой девушке было что-то плохое. И Володька успокаивался на время.

Но стоило ему выпить, и коварные мысли с новой силой завладели умом. Злость и обида толкнули на грубость. А когда Надя открыла дверь, ему показалось, или он почувствовал укор в её взгляде. Конечно, падение – это случайность. Если бы он не схватил её, и она не была такой маленькой и хрупкой, и если бы... Он терзал, и терзал себя, не в силах думать ни о чём другом.

Зоя Семёновна тоже не могла найти покоя. Ведь она всей душой полюбила Надю, как родную дочь. Не думала, что и эта девочка, так прикипит к ней, словно к матери. Ведь Зоя Семёновна даже не могла предположить, что Надя, которую весь двор считал наглой блудливой хулиганкой, станет ей родным человеком.

Слёзы катились по лицу. Страх за Надю, обида на Вовку, беспокойство за ребёнка. Навалилось всё и сразу. Напряжённое ожидание и страх.

Подошла медсестра.

– Пройдёмте со мной.

По пустым коридорам больницы они следовали за сестрой. Шаги эхом звучали в тишине. Чем дальше, тем страшнее. Надели халаты.

В отделении реанимации Надя лежала на кровати и казалась такой крохотной, как ребёнок. На лице большой синяк и ссадина. Вокруг штативы капельниц.

– Надюша, – на глаза Зои Семёновны навернулись слёзы.

Сердце рвалось на части. Женщина села на стул рядом с кроватью, взяла маленькую ручку.

Надя слабо улыбнулась, ещё под действием лекарств.

– Надюша, с ребёночком всё хорошо, не беспокойся. Главное чтобы ты была здорова.

Подбородок Нади задрожал, и маленькая капля показалась у края глаза, остановилась на мгновение и покатилась по виску.

Зоя Семёновна почувствовала, как комок подступает к горлу. Вот-вот разрыдается прямо здесь, у постели. Но она громко вдохнула и удержалась. Кому нужны сейчас её слёзы?

Володька стоял в оцепенении. Капельки пота появились у него на лице, руки дрожали. Он всё смотрел на огромный синяк на щеке Нади.

– Не переживайте, – с трудом выговорила Надя. – Я справлюсь.

– Ты умница, – подхватила Зоя Семёновна. – Ты поправишься, всё будет хорошо.

– Да. Так и будет, – попытался что-то сказать Володя.

Им разрешили побыть совсем немного.

После они пошли домой. Молчание было попутчиком. Дома Зоя Семёновна долго плакала на кухне. Володька угрюмо сидел в гостиной и смотрел в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bochka_natal-ya/uborschica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)